

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

НАВАЖДЕНИЕ

ПОВЕСТЬ

Всю ночь мучил дурной сон, странный и страшный. Происходящее ощущалось как бы и не во сне. Настолько яркими и убедительными были видения, что, проснувшись, Митя ещё долго не мог избавиться от непонятного происхождения жуткой реальности. И забрезживший рассвет, и мерное тиканье будильника, и шум водопроводных труб у соседей казались продолжением цепи событий, в круговорот которых был насильно втянут во сне. Вот сейчас распахнётся дверь, и в комнату ворвутся те, с обезображенными яростью лицами. А тот, у кого на левой щеке грубый шрам от ножа, накинет ся и, сорвав с Мити одеяло, хрипло заорёт:

— Вот он, голубчик! Здесь окопался. А ну, давай сюды, гадёныш, — и стащит с постели, а двое других подхватят под руки и скрутят.

“Шрам” сграбастает за грудки и начнёт принюхиваться к Митиной одежде. Под одеялом Митя окажется в камуфлированной полевой форме и даже в берцах — полусапожках, которые сохранил с армии.

— Он это, братья... По запаху чую, тюрюгой так и несёт. Вертухай. Точно. А ну, мочи его, паскудника!

Другой бандит выхватит огромный тесак, замахнётся. Холодное лезвие зловеще сверкнёт в пробившемся через щель в шторах утреннем луче и воткнётся... Нет, не в грудь. Митя, движимый инстинктом, крутнётся в цеп-

ЛОБАНОВ Александр Александрович родился в 1954 году в г. Киеве. Окончив Самарскую военно-медицинскую академию, служил войсковым врачом. С 1991 года, выйдя на пенсию, жил с семьёй в Приднестровье. Война с румынскими националистами неизбежно наложила отпечаток на творчество писателя. В 1997 году переехал в Сыктывкар, где проживает по настоящее время. Печтается в республиканских журналах и газетах Приднестровья и Коми. Член Союза писателей Приднестровья и СП России.

ких клешнях, и под удар ножа попадёт широченная спина “Шрама”. Дикий вопль ударит по перепонкам, и станет до того страшно, как будто ты, сорвавшись, летишь в пропасть, и к горлу подкатит комок тошноты...

Находясь во власти воображения, Митя не сразу заметил, что его на целую ладонь приподняла над постелью какая-то сила, и он завис в воздухе, как в невесомости. Сердце готово было выскочить из груди, в ушах появился пронзительный звон. Бандитов и занесённый нож он вдруг увидел воочию. Те, действительно, на доли секунды появились в комнате, как будто материализовались из воздуха. Когда Митя, наконец, обратил внимание, что парит над постелью, видение исчезло, а он сразу же шмякнулся на кровать. Весь в холодном поту.

Оглядываясь в недоумении по пустым углам, стал припоминать ночной полубред. Как и когда попал он в тёмный коридор следственного изолятора и почему именно туда? Раньше про такие заведения он слышал только мельком, но с подробностями, что приснились, раньше не сталкивался. Дежурный по изолятору вёл, может быть, на допрос, верзилу двухметрового роста. Проходя мимо, тот глянул с такой мерзкой гримасой, что побежали мурашки. Особенно ужасающе выглядел шрам. Губы уголовника пролопотали: “Готовься, пада, скоро уроем”. Митя невольно прижался к обшарпанной сырой стене, ощутив, как противно намокла спина.

С другого конца коридора показалась ещё пара. Вели того, кто потом в квартире будет пытаться убить Митю тесаком. Видно, сговорившись заранее, рецидивисты, невероятным способом освободившись от наручников, разом кинулись на охранников, свалили с ног и принялись избивать, пока те не потеряли сознание. Отобрав ключи, стали отворять камеры и выпускать таких же ужасных на вид амбалов, всё время кивая в Митину сторону:

— Погоди, щас и тобой займёмся. Стукачок ты наш зафоршмаченный.

Когда собралась внушительная толпа, к входной решётке, которую бандиты ещё не успели взломать, подоспел спецназ с оружием. Их капитан, заметив Дмитрия, вскинул автомат и дал очередь поверх голов, крикнув, чтобы бежал к ним. Уголовникам пришлось залечь, а спецназовцы кинулись оттаскивать бездыханных охранников. За решёткой капитан попытался у них прощупать пульс. Потом припал каждому к груди. Сильно побледнев, встал и глухим утробным голосом процедил:

— Ну, волки позорные! Спецназ, ого-о-о-нь!!!

Пули высекали из потолка, стен, металлических дверей яркие искры. Зависло под потолком душное облако пороховых газов. Грохот стоял такой, что раскалывалась голова. Не ожидая, что в них станут стрелять так, без предупреждения, уголовники метались, падая один за другим, сражённые на смерть. В конце концов, рухнул последний. Стрельба прекратилась. Сквозь пороховую вонь пробился приторный запах свежей крови. По изолятору выли сирены, хрипели и резонировали сигналы тревоги. К зданию прибыло подкрепление.

Капитан в сопровождении троих бойцов вошёл в коридор и принялся осматривать убитых, пиная каждого тупым носком берца, который, щедро нагуталиненный, ярко поблескивал в луче фонарика. И вдруг из кучи мёртвых взвились четыре огромные тени. Офицер и бойцы не успели среагировать, и были убиты на месте. Завладев их оружием, уголовники моментально расстреляли оставшихся спецназовцев и ломанулись к выходу.

— Ну, милок, теперь с тобой порешаем, — ослабься, верзила надвинулся на Митю. — Вона как вышло-то. Вертухайчиков, защитничков, значит, твоих, до единого положили, а тебе нипочём всё. Непорядок. Фуфлыжничать нам негоже.

Он вскинул автомат, но стрелять не стал, а громко чмокнул:

— Пу-у-у...

— Га-га-га! — заржала кодла, наблюдая, как Митя весь съёжился и задрожал.

Чтоб не видеть и не слышать страшной своей кончины, юноша зажмурился и обхватил руками голову. В коридор влетела световая граната, оглушительно хлопнуло, и вспыхнуло маленькое солнце, ослепив всех, кто не успел прикрыться. Тут же на бунтовщиков накинulo подкрепление. Завяза-

лась рукопашная. Один из бойцов вскрикнул и, схватившись за грудь, стал оседать. Митя, раскрыв глаза, успел заметить блеснувшее в руках знакомого бандита лезвие. Вскрикнул и упал другой охранник, третий, четвёртый. Опять раздалась выстрелы. Надо было спасаться, и Дмитрий пополз к выходу, всё время слыша за спиной:

— Куда ж ты, милоч? Щас мы тебя. Щас. Потерпи.

Луч прожектора ударил по глазам. Кто-то кричал в громкоговоритель, обращаясь к Мите, но тот слышал лишь хриплое:

— Щас, милоч.

Вырвавшись за оцепление, он бежал и оглядывался, ища глазами, откуда грозят. Вот и квартира, уютное родительское гнёздышко. Митя прыгает в кровать прямо в одежде и накрывается с головой одеялом. Начинает понимать, что всё не на самом деле.

Господи, я болен? Вот и галлюцинации начались. Если бы пил много. Но ведь кроме пива ничего. Да и то чуть-чуть, с ребятами после работы. Последствия контузии? Два года прошло, а теперь аукнулось? Митя провёл ладонью по лбу. Мокрый. Попытался успокоиться и трезво оценить ситуацию. Вроде не болит. Пробежался по памяти. События, даты, имена родственников, друзей и многое другое — всё было ясным, как солнечный день.

Откинулся на подушку, прикрыл веки. Всплыла картина из армейского прошлого. Они — на БТРе, в общей колонне, справа и слева добротные домики чеченского селения. Отделение десантников, в котором он служил, обеспечивало вместе с мотострелками прикрытие полевого госпиталя, передислоцированного из Моздока в район Ханкалы. Сельские мальчишки подбегали к колонне и строили рожицы, кидались камнями, направляли в бойцов деревянные палки, изображая, что стреляют из ружей. Старались не обращать внимания, хотя была очень неприятна детская ненависть. Потом вайнахские пацаны как-то разом исчезли.

Колонна двигалась в совершенно обезлюдевшем пространстве. Ни одного местного. Только собаки выныривали из кустов и в бессильной ярости кидались, делая вид, что сейчас вцепятся клыками в шину и порвут. Митя хорошо помнил, как возникло и больше не отпускало чувство обречённости. Это ощущение было и сейчас, в постели, после жуткого наваждения.

На выезде из селения БТР попал под заложенный в обочину фугас. В живых остался только он. Но Митя узнал об этом много позже, в госпитале, который они и сопровождали. Быстро пошёл на поправку. Однако служить больше не довелось — подоспел “дембель”. Врачи всё равно признали его негодным к службе по всем статьям. А Митя и не настаивал, хотя до ранения серьёзно подумывал о сверхсрочной, даже закидывал удочки, как выучиться на офицера.

Свой парадный китель, на котором, помимо “дембельских” причиндалов, поблёскивал пятью рубиновыми лучами орден Красной Звезды, он с чистой совестью спрятал в шкаф и больше не надевал. Нашивку за тяжёлое ранение в виде красной полоски спорол и выбросил. Казалось, от неё исходит боль, не телесная — вроде занозы в душе. Когда полоску выбросил, саднение прекратилось. Объяснить это Митя не мог.

Устроившись в таксопарк водителем, он стал усиленно готовиться и в сентябре после экзаменов был зачислен на заочное отделение университета. Жизнь потекла мирным чередом. Постепенно забывались армейские будни. Дольше всего в памяти держались мальчишки с деревянными ружьями и пустынная чеченская улица. Дни, проведённые в госпитальной палате, стёрлись прежде других.

Работать таксистом ему нравилось, он любил водить машину. У отца в своё время был четыреста седьмой москвичок. В какие только передраги они ни попадали! Столбы сбивали, переворачивались, раз чуть не утопили легковушку в речке, пытаясь перебраться вброд. Сын вырос в машине, и, когда подошёл срок, папаша посадил его за руль и сказал: “Давай езжай самостоятельно”. И он сел и поехал. Блаженство, какое испытал в то мгновение, запомнилось навсегда. Ничего подобного потом не случалось. Разве что когда в первый раз поцеловал девушку.

Отца не стало вскоре после того, как юноше исполнилось восемнадцать. Это был тяжёлый удар. Они с отцом любили друг друга. С его уходом Митя впервые столкнулся с реальным чувством одиночества. С годами горечь потери заглушилась, но чувство это так и не выветрилось. Маму, конечно, он тоже любил, однако единения взглядов, мироощущения, какие были с отцом, между ними не получалось. Мать к нему относилась, как к маленькому, он знал, что точно так же будет и через десять лет, и через двадцать, даже когда уже сам он сделается стареньким, для мамы он по-прежнему останется ребёнком.

...Зазвонил поставленный на шесть утра будильник. Смена начиналась в семь. До парка минут тридцать, рядом совсем, однако сегодня можно не спешить. Машину он оставил около подъезда, так как закончил работу за полночь, и не хотелось даром терять время на пешую дорогу в парк. И так не выспался.

— Ты чего бледный, не заболел? — проворковала из кухни мать, звеня чашками и тарелками. Она проснулась гораздо раньше и уже приготовила завтрак.

Митя глянул в зеркало. Видочек не лучший. Лицо заострилось, на щеке — следы от подушки, всклокоченный. “Надо бы подстричься, — он провёл по волосам ладошкой, — как щётка сапожная, ей-Богу”.

Приняв душ, взбодрился. Приснится же такая хренотень! Не без труда водрузив на физиономию жизнерадостную беспечность, таксист Митя уселся за стол.

— Так, что у нас сегодня? — он с удовольствием наблюдал, как мама накладывает его любимые драники, поджаренные, с корочкой.

Потом обнаружил, что ест без обычного аппетита. Что за ерунда! Мать тут же заметила:

— Да что с тобой, сыночка? А ну-ка, дай, — приложила ко лбу ладонь. — Вроде не горячий. Может, болит где?

— Да нет, мамуль, всё нормалёк. Просто не выспался.

— И то правда, — согласилась мама, — носишься целыми днями, а вечером с книжками сидишь. Этак и надорваться недолго.

— С чего это надорваться? Не грузовик вожу. А учёба всегда дело не лёгкое. Зато потом начальником стану. Самого повезут на персональной машине. Так-то, моя дорогая мамуленька.

— Ладно, моя начальник, ешь побольше, не привередничай. Маслом хлебушек намажь.

Чтобы не расстраивать мать, сын усиленно задвигал челюстями.

Лифт работал исправно и усердно рычал, пока спускал с седьмого этажа на первый. Кабинка была незрочной, пластмассовые кнопки оплавлены зажигалками. Хулиганы не пощадили и красивые пластиковые панели, испарав их похабщиной. На полу наплёвано и замусорено. “Что за люди, — не в первый уже раз возмущился юноша, — обязательно надо нагадить себе же! Долго мы ещё порядочное общество строить будем”.

Не скрывая выражения гадливости, вышел из подъезда. Утро выдалось хмурым, как перед дождём. Зябко передёрнув плечами, Митя поспешил к машине, что стояла неподалёку под разлапистым тополем. Это была старенькая, но ещё шустрая и ухоженная “Волга” с шашечками по бокам. На крышу, капот и багажник напало множество тополиных серёжек, стёкла покрылись желтовато-серым налётом.

— Надо бы протереть, — Митя достал пейджер автосигнализации. Нажал на кнопочку. Машина пропищала три раза, сработал, щёлкнув заглушками, центральный замок. Открыв переднюю дверцу, он извлёк из бардачка старое полотенце, приспособленное под ветошь, и уже собрался было заняться стёклами, когда внимание его привлёк пакет на заднем сиденье. Он прекрасно помнил, как вечером, оставляя машину на ночь, всё хорошенько осмотрел. Посторонних предметов не было.

— А чтоб тебя, нечистая сила, — ругнулся нехотя таксист и потянулся рукой. — Тяжёлый. Видно, бумаги какие-то. Надо отвезти и сдать.

Кинув пакет на переднее сиденье, вставил ключ в замок зажигания. Но повернуть не смог. Заклинило. Митя растерялся. Наверняка этот пакет

и сон каким-то образом между собой связаны. Обратил внимание, что сердце стало колотиться с удвоенной частотой. Превозмогая неприятные ощущения в груди, взял пакет и принялся внимательно его рассматривать. Бумага завернута подобно конверту, но не склеена, углы слегка оттопырены. И что удивительно — шпагат завязан бантиком.

Дёрнул за свободный конец, узел сразу распался. Аккуратно отогнув углы, развернул бумагу. Внутри был ещё пакет, полиэтиленовый, но не прозрачный, чёрный. Запаанный напрочь. Чёрт! Что же делать? Умом соображая, что не надо больше ничего предпринимать, всё же полез в карман за складным ножиком. Пакет весил килограмма три. Что-то в нём хрустело и шуршало. Руки заметно дрожали, а сердце прямо-таки рвалось из грудной клетки. Глубоко вздохнув, провёл лезвием по полиэтилену, края тут же растопырились, изнутри показались толстые пачки перевязанных тем же шпагатом стодолларовых купюр.

И в этот миг по совсем потемневшему небу зигзагом полоснула ослепительная вспышка, и через секунду его оглушил громовый раскат. “Волга” словно подпрыгнула, и сразу же пронзительно завывла сигнализация. Митя схватился за ключ зажигания и вынул его из замка. Ключ отчего-то был горячий и обжигал пальцы. Попытался жать кнопку отключения sireны на пейджере, что висел рядом с ключом. Ничего не выходило. Машина продолжала выть и прерывисто мигать габаритами. Митя выскочил наружу и остолбенел. Вместо светло-зелёной “Волги” с пашечками, перед ним стоял огромный чёрный “Мерседес”.

— Эй, мужик, ты что там делаешь? — проревело откуда-то сверху. — А ну, стой! — и через мгновение, обращаясь к кому-то внутри. — Все вниз, живо! Взять живьём гниду.

Митя стоял, не в силах двинуться с места, словно парализованный. Ничего не соображая, медленно повёл взглядом вокруг и вдруг похолодел, заметив шагах в пятидесяти в кустах чёрного кота. Тот нехотя обдирает когтями кору со ствола торчавшей в зарослях сирени осины. Потом встал на задние лапы, подбоченился, подмигнул Мите ярко светящимся жёлтым глазом и, сладко зевнув, промурчал:

— Щас, милоч.

Митя схватился за голову и зажмурился. Холод собственных ладоней немного отрезвил его. Он вдруг ясно осознал, что всё происходит на самом деле. Открыв глаза, он снова увидел кота. Тот явно над ним потешался и будто хихикал. Это уже было ни в какие ворота! Митя осмотрелся по сторонам, нет ли где кирпичка. “Я тебе покажу, скотине, как издеваться”, — подумал он.

Но из подъезда напротив выскочили трое бритоголовых. У одного в руках была бейсбольная бита, у другого сверкал тесак. Знакомый ножичек, успел подумать Митя и обомлел: у третьего верзила через всё лицо тянулся безобразный шрам.

Сверху вновь проревело:

— Обходи его. Хватай, хватай, тудить, мать его растудить!!!

Дальше произошло необъяснимое. Видя, что его окружают, Митя схватил пакет и, с силой оттолкнувшись обеими ногами, перепрыгнул “Мерседес”, успев заметить, как кот от удивления раскрыл рот и боязливо прижал уши. Одним прыжком перемахнул улицу и оказался у подъезда. Было слышно, как кто-то быстро спускался по лестнице и матерился. Потом раздался характерный щелчок передёргиваемого затвора. Не рассуждая, Митя с такой же невероятной лёгкостью запрыгнул на козырёк подъезда и, опять оттолкнувшись ногами, взлетел на тот самый балкон, с которого минуту назад на него ревел главарь шайки. Тот уже выскочил из подъезда и орал на всю улицу:

— Где эта гнида?

Трое бритоголовых с округлёнными глазами стояли тут же и молчаливыми жестами указывали вверх. Главарь задрал голову.

— Ах ты, Матерь Божья! — только и смог пролопотать он, вскинул пистолет и, не целясь, стал палить. Зазвенели стёкла. Митя поспешил внутрь. На широком диване, разбросав по смятой простыне шелковистые каштано-

вые волосы, лежала совершенно голая девица. Пахло то ли спиртным, то ли дорогими духами.

— Парень, а ты кто? — проговорила она таким приятным голосом, что Мите захотелось её поцеловать. Как зачарованный, он подошёл к дивану и стал откровенно разглядывать неприкрытые женские прелести. От девицы так и веяло желанием, отчего у Мити закружилась голова, и он присел на край постели. Таких великолепных женщин он ещё не встречал. Не давая отчёта своим действиям, он потянулся к её груди.

— Какие у тебя горячие руки, — откидываясь на подушку, прошептала девица.

В голове промелькнуло: “Да что же это происходит со мной?” И опять по небу полоснуло молнией, и раздался жуткий треск, как при обстреле шрапнелью. Дверь в квартиру с грохотом распахнулась, ввалилась бритоголовая компания. Митя рванул на балкон. Пакет пришлось сунуть за пазуху.

Вскочив на перильца, Митя оттолкнулся и взлетел на два этажа выше, ухватился за металлическую решётку, легко подтянулся и перекинул тело. Балконная дверь в эту квартиру оказалась запертой. Тогда он проделал ту же процедуру ещё раз; получилось запрыгнуть вообще на крышу. Митя уже ничему не удивлялся. Он бежал по кровельному железу, не ощущая шагов, которые почти не сопровождались шумом. Будто не взрослый мужчина ростом метр восемьдесят три нёсся по крыше, а пушинка, перекатываемая ветром. Догадываясь, что вскоре бандиты доберутся и сюда, Митя, не сбавляя темпа, добежал до края и, что было силы, толкнул его носком левой ноги, одновременно взмахнув руками, как это делают пловцы в воде. И тело, движимое векторными ускорениями, взмыло вверх. Митя полетел. Когда сила первого взмаха стала угасать, он повторил его, отчего тело снова подбросило кверху.

Он стал махать руками, как птица крыльями, и продолжал лететь дальше. “Вот бы так наяву, — пришло ему на ум, — экий восторг! А ведь я и раньше во сне летал, даже просыпаться не хотелось. Боже, как же не хотелось каждый раз просыпаться! Стоп. А сейчас я разве сплю?” И вдруг почувствовал, что стал падать. Усиленно замахал руками, пытаясь взлететь выше, но тело уже не взмывало, как в первый раз, хотя противодействие падению всё же ощущалось. Митя отчаянно боролся за высоту и выдохся. Взмахи получились вялыми. Вскоре он мягко шлёпнулся в траву на незнакомом поле. Было тихо и безлюдно, только птицы щебетали в вышине, а в цветах и траве стрекотало и жужжало насекомое сообщество. Выглянуло солнце, запахло свежестью прошедшего дождя. Воздух был насыщен озоном.

Митя лежал на влажной земле и пытался внушить себе, что всё это сон. Начало пришекать. Почувствовав невероятную усталость, он прикрыл веки и вскоре действительно задремал, никем и ничем не потревоженный.

Под вечер на город опустилась прохлада. Асфальт давно высох, остались местами лишь небольшие лужицы. Листва в заходящем солнце поблёскивала, плавали розовые облака. Было тихо и безветренно. Подойдя к дому, Митя обнаружил, что “Волга” стоит на прежнем месте. Никакого “Мерседеса” не было и в помине. Пробежался глазами по окнам дома напротив. Отыскал знакомый балкон. Каково же было его удивление, когда там появилась милостивая старушенция и принялась из кувшинчика поливать невесть откуда взявшиеся пышные, с белыми и красными цветками герани.

“А пакет? — Митя похлопал по рубашке — пакета за пазухой не было. — Не может быть. Неужели потерял?”

— Мя-а-а-у, — послышалось сзади. Он вздрогнул и резко повернулся. Из кустов чинно вышел пушистый белый кот и не спеша проследовал за угол, однако через несколько секунд вылетел оттуда, как ошпаренный, и дал стрекоча. За ним, распаяясь басовитым лаем, нёсся огромный чёрный лабрадор. Кот, чувствуя, что от пса не оторваться, взмахнул на осину и скрылся в кроне. Лабрадор, отчаянно виляя хвостом, заматался вниз. Продолжая рычать, он пытался запрыгнуть на ствол, обхватывая его лапами, словно хотел влезть, шмякался в траву и, ещё сильнее свирепея, брызгал во все стороны слюной.

С любопытством наблюдая за баталией, Митя отметил, что с каждым прыжком собака достигала всё большей высоты. Уже допрыгивала до нижних веток. Ничего себе, этак и до кота доберётся. Странно всё.

Тем временем пёс ухватился клыками за ветку, на которой, съёжившись, вошёл о помощи кот. Движимый жалостью к несчастному пушистому красавцу, Митя схватил валявшуюся в кустах жердь.

— А ну, пошёл к чёртовой матери, — закричал он на собаку, отчего у той разжались челюсти.

Приземлившись на четыре лапы, лабрадор громко чихнул и угрожающе развернулся. Пригнув морду и по-прежнему роняя слюну, он утробно зарычал. Митя почувствовал знакомый холодок на спине. Он с детства боялся собак, которые отчего-то всегда на него кидались. На других мальчишек — нет, а на него постоянно. Даже прививки от бешенства приходилось делать.

Приготовив палку, Митя отступил на несколько шагов. И зря: его маневр вдохновил лабрадора. Он решительно двинулся с места, ещё громче рыча. Противники смотрели друг другу в глаза, один — со страхом, другой — с ненавистью. Кто-то рассказывал, что ни в коем случае нельзя так вести себя с нападающей собакой: собаки принимают это как угрозу.

Митя почувствовал, как похолодело всё внутри, руки и ноги стали безвольными, ватными.

— Лорд! Ко мне! — неожиданно раздался за его спиной бархатный голос. Мите на выручку спешила, по-видимому, хозяйка собаки. Пёс моментально отреагировал и, спустя мгновение, ластился у ног высокой шатенки. — Вы извините нас, пожалуйста. Не доглядела, вырвался, паршивец. Очень уж он не любит котов.

Он не мог произнести и пары слов. Он узнал её. И голос такой же — низкий, бархатный.

— Да вы не бойтесь, он не тронет. Если хотите, можете погладить. Ну, что же вы?

Дмитрий по-прежнему безмолвствовал. Не может быть! Она!

Внешнее сходство несомненно. И духи. Те же, дорогие, французские.

Видя, как сконфужен молодой человек, девушка приблизилась и, улыбувшись, протянула руку:

— Меня зовут Надежда Николаевна. А вас?

— Меня, — Митя всё ещё не мог прийти в себя и глупо переспросил. — Меня как зовут?

Шатенка рассмеялась, у неё получилось настолько очаровательно, что юноша, наконец, расслабился.

— Дмитрий Сергеевич, — он аккуратно пожал маленькую ладошку и улыбнулся. — Если честно, я испугался. Ваш Лорд такой огромный. Надежда Николаевна, а мы с вами раньше не могли встречаться?

Шатенка внимательно взглянула на парня и пожала плечами. Лабрадор в это время внимал к Митяному бедру. Митя потрепал его по загривку, а затем погладил за ушами, отчего пёс удовлетворённо завилял хвостом.

— Нет, Дмитрий. Можно мне вас так называть? Вряд ли мы могли где-то пересекаться. Разве что в какой-нибудь параллельной жизни?

Настал черёд рассмеяться Мите.

— Верите в подобную ерунду? — сказал и осёкся. Стал оглядываться. А что, если не ерунда? То, что произошло ночью и сегодня днём — плод большого воображения? Красивая девушка разве не была реальностью там, за балконной дверью? Митя невольно обратил взор наверх, где старушка поливала герани. Шатенка взгляд перехватила, заметила старушку, которая всё ещё возилась с цветами.

— Какой прелестный балкончик! Я не впервые прогуливаю здесь Лорда, и каждый раз вижу эту милую женщину. Не правда ли, чудесная герань? А вам нравятся цветы, Дмитрий?

Митя пристально глядел в её глаза, но кроме искреннего умиления, ничего другого не находил. Как и всё в этой девушке, глаза были очень красивыми. Светло-зелёные радужки с тёмной окаёмкой и длинные ресницы, которые не нуждались ни в подкрашивании, ни в нанесении туши, чем обычно

пользуются молодые девчонки, сплошь и рядом мелькавшие в Митиной жизни. В этой жизни. Интересно, а в параллельной жизни ресницы красят?

Он смотрел на собеседницу и постепенно проникался к ней особым чувством. То ли нежности, то ли благоговения. Впрочем, и то, и другое, что, несомненно, присутствовало в Митиных переживаниях, не превосходило того ощущения, которое он не мог объяснить. Новое, знакомое, начинало завладевать телом, эмоциями, мыслями.

В этот момент лабрадор зарычал и подался к осине, по стволу которой пытался спуститься на землю белый пушистый кот, но, увидав собаку, он снова скрылся в листве.

— Фу, Лорд! А ну, назад. Рядом! Сидеть! — лицо Надежды Николаевны вдруг сделалась строгим. — Как нехорошо ты себя ведёшь, ай-яй-я-ай!

Пёс как будто обиделся, поджал хвост и стал глядеть на хозяйку укоризненно.

— Ну, что так смотришь? — девушка погладила лабрадора по голове. — Если будешь плохо себя вести, надену намордник. Ясно?

“Любопытно, — подумал Митя, — разговаривает с псом, как с человеком”.

— А вы, Дмитрий, думаете, он не понимает? — словно прочитав его мысли, произнесла Надежда Николаевна. — Мне иногда кажется, что эта собака умнее меня. Не соображу только, отчего несчастный кот так не понравился Лорду. Что-то здесь не так. Лорд, поведай нам, неразумным, что тебя беспокоит? Понимать-то понимает, а сказать не может.

— А что тут непонятного, Надежда Николаевна? — Митя улыбнулся. — Между семействами кошачьих и собачьих вековая вражда. А вот откуда она тянется, наверное, никто не знает. Одни мифы. Сейчас Лорд победитель, потому что большой. А вот я как-то читал Арсеньева, так он описывает, как во время путешествия в Уссурийской тайге на их лагерь тигр напал. И в первую очередь накинулся на собак. Всех порвал. Просто из ненависти, заряженной в гены. Тигр — он ведь тоже кошка. Только большая.

Лабрадор при Митиных словах слегка заскулил и прижался к хозяйке.

— Так, это что ещё за капризы! — Надежда Николаевна удивлённо приподняла брови. — Лорд, если на то пошло, заканчиваем прогулку. Домой! Не умеешь себя вести, нехорошая собака. Что ж, Дмитрий, до свиданья. Приятно было познакомиться. И, пожалуйста, не сердитесь на Лорда. Уж вас-то он больше не обидит никогда.

Она подала ему на прощанье руку. Митя вдруг почувствовал, что не хочет, чтобы она просто так ушла. Придерживая её ладонь, он неожиданно проговорил:

— А мне всё же сдаётся, что я вас уже знаю. Надежда Николаевна, вы не будете против, если я провожу вас?

— Нет-нет, Митенька, не сегодня, я прошу, — и она неожиданно поцеловала его в щёку, после чего повернулась и ушла. Лорд послушно увязался следом. Уже поворачивая за угол, он обернулся, негромко гавкнул и, как померещилось Мите, ободряюще подмигнул.

Не придя толком в себя, Дмитрий автоматически поднял голову и стал разглядывать ветки осины, ища, где мог спрятаться белый кот.

Кот оказался почти у самой верхушки. От страха у него не получалось собраться с духом и выбраться из переплетений мелких веток и листвы. Он и хотел бы спуститься, но не мог, отчего принялся жалобно мяукать. Мите стало жаль кота, и он решил снять его с осины. Подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку, подтянулся. Без труда взобрался на самый верх и протянул руку:

— Иди сюда, хороший. Кыс-кыс. Ну, не бойся.

Распушив ещё сильнее свой и без того пушистый хвост, белый кот стал медленно продвигаться к Мите, осторожно ощупывая мохнатыми лапками каждый сучок. Потом доверительно перебрался к нему на плечо и вцепился коготками в рубашку.

— Ну, что, поехали вниз, путешественник?

Они стали медленно спускаться. Когда Митина нога коснулась последней ветки, кот неожиданно рванулся, оцарапав кожу на груди под рубашкой,

и спрыгнул на ветку напротив. Встал, картинно подбоченясь одной лапой, а другой опираясь о ствол. Белый мех начал быстро тускнеть и через секунду превратился в чёрный. Кот широко зевнул, очи его сделались яркими, жёлтыми, и он, пристально глядя Мите в глаза, отчётливо произнёс:

— Щ-щ-щас, милоч.

Ветка, на которой стоял почти обезумевший Митя, вдруг обломилась, и он, сопровождаемый треском сучьев, полетел вниз. При этом нога зацепилась, Митя перевернуло. При падении он ударился головой и потерял сознание.

— Алё! Алё! Это скорая? Да что ты будешь делать, — Клавдия Ивановна нетерпеливо крутила диск, опять и опять набирая “03”. — Уснули они там? Алё! Скорая? Ну, наконец-то. Немедленно приезжайте, — она назвала адрес, — тут молодой человек с дерева сорвался. Разбился бедняжка, лежит без движения. Алё! Вы меня слушаете, девушка? Нет, я не родственница. Да никто я ему. Цветочки поливала на балконе, гляжу — падает. Да так сильно, прямо вниз головой, сердешный. Почём же я знаю? Нет, ну, ты подумай... Алё! Девушка? Я говорю, откуда же мне знать, что он там делал, на дереве-то? Вы уж сами разбирайтесь.

В реанимации стояла тишина. Негромко попискивал кардиограф, выдавая на монитор кривые, отображающие работу сердца. Митя лежал под капельницей и ничего не мог вспомнить. Сильно болела голова. Хотел попросить сидевшего рядом человека в голубом халате и в такой же больничной шапочке дать чего-нибудь, но боль была такой сильной, что не хотелось раскрывать рот. Заметив, что больной приоткрыл веки, дежурный врач склонился над ним:

— Вы в состоянии говорить? — дождавшись утвердительного кивка, доктор продолжал. — Вы что-нибудь помните?

Митя отрицательно покачал головой и сморщился. Боль пронзила всё тело. Врач это заметил, и что-то ввёл шприцом в резиновую трубку капельницы. Лекарство подействовало мгновенно, в голове сразу прояснилось, боль отпустила.

— Как вас зовут? Фамилия? Какое сегодня число?

Митя назвал. Это он помнил, как и всё, что было до сегодняшнего дня, как пришёл с работы, поужинал, затем просидел над учебниками и конспектами до часу ночи и лёг спать. И всё — полный провал. Врач внимательно наблюдал за его лицом. В общем-то, картина ясная: посттравматическая амнезия чистой воды. Полежит пару недель, оклемается. Похуже видали, а парнишка молодой, крепкий. Надо будет следовательно позвонить, сказать, чтоб пока не приходил. Что толку? Когда начнёт соображать, тогда — пожалуйте.

— Ну, как, отпустило?

— Да, спасибо, доктор.

— Ну, ты давай, спи. Тебе теперь надо много спать. Твоё лучшее лекарство. Понятно?

Доктор улыбнулся и положил Мите на лоб ладонь. От приятного тепла Митя быстро задремал, а сердечные зубцы на мониторе кардиографа стали заметно реже. Глянув на них, врач одобрительно кивнул и погрузился в обычные свои эскулаповы раздумья.

Через неделю после того, как его перевели в общую палату, приходил следователь из райотдела. Записал анкетные данные, спросил, где работает, когда и кем служил в армии, имел ли приводы в милицию и тому подобное. Но на вопросы о случившемся Митя ничего ответить не смог. Стёрлось из памяти начисто. Однако следователь успел раскопать и старушку, поливавшую герань, которую звали Клавдией Ивановной, и то, что непосредственно перед падением с дерева Митя долго беседовал с не установленной пока молодой женщиной лет двадцати трёх-двадцати пяти, шатенкой, роста выше среднего, рядом с которой, со слов Клавдии Ивановны, была породистая собака чёрной масти, предположительно, ротвейлер или лабрадор. А вот за каким чёртом пострадавшего понесло на дерево, выяснить не удалось. Похожих собак в квартале, где проживает гражданин Сергеев Дмитрий Сергеевич, уста-

новить не удалось. Ничего не смогла добавить и Митина мама. Бесперспективное дело, решил про себя следователь, и удалился восвояси.

Приходило консультировать психиатр, который никакой психопродуктивной патологии, как потом записал в истории болезни, не выявил. Потерю памяти на день травмы сочли в порядке вещей. Обследования на компьютерном томографе фиксировали нормальные показатели. Организм у Сергеева по врачебным меркам вообще был образцовым, но о выписке пока не могло быть и речи.

Потянулись нудные, полные скуки и безделья дни. Трижды в неделю Мите снимали энцефалограммы, повторно направляли на томограф. Сделали запросы в Военно-медицинское управление о прошлом ранении и получили ответ. Смотрел Дмитрия и главный врач, и невропатолог из центральной областной клиники приезжал, и ведущий психиатр. Не совпадало у них что-то. А что, никак не удавалось определить. В конце концов, появилась бредовая идея об обследовании Мити в Москве. Ну, это уж слишком, решил Митя, и после очередного “допроса с пристрастием” категорически потребовал выписки, пригрозив, что бежит к чёртовой матери. Достали! Ну, исчезло из памяти — и пёс с ним, возмущался он в разговоре с лечащим нейрохирургом. Что теперь делать? В параллельных мирах искать. Что-то смутное шевельнулось в голове при тех словах. Митя пытался потом вернуть ощущение, но безрезультатно.

Господи, как хорошо было на воле! Солнце слепило отовсюду: сверху с небес, снизу из луж после прошедшего накануне дождя, из окон шагнувших мимо многоэтажек и пролетавших легковушек. Воздух — без всякой карболки и йода. Запахи сирени и лилий приятно кружили голову, будоражили кровь. Митя откровенно засматривался на мелькавшие мимо девичьи ножки, ловил выражения лиц юных незнакомок, на которых неизменно читалось одно: “Да здравствует лето! Да здравствует молодость! Да здравствует любовь!”

— Ох, батюшки! — всплеснула руками мама, открывая дверь. — Уже выписали? Вот радость-то. Мальчик мой, — она прильнула к сыну и заплакала.

— Ну, что ты, мамуленька, всё ж хорошо, — он гладил её по седым волосам и ловил себя на мысли, что на всём белом свете нет и не будет человека роднее, человека, которому он нужен, несмотря ни на какие свои недостатки и проблемы, который любит его только лишь за то, что он есть. — Я люблю тебя, родная, и всё у нас будет в порядке, вот увидишь.

Дни летели быстро. Студент сдал сессию на пятёрки и до осени сложил учебники в шкаф. Каникулы! Можно было бы взять отпуск. А что, махнуть, куда-нибудь к морю, позагорать, поплавать, здоровье поправить. Впрочем, чувствовал Митя себя прекрасно. О дне, стёртом из памяти, несколько не сожалел. Иногда, правда, разбирало любопытство. Но будничная суета быстро растворяла его в себе.

Проходя мимо балкона с геранями, он каждый раз приветливо здоровался с Клавдией Ивановной, та, в свою очередь, долго с ним раскланивалась, как со старым знакомым. Когда вышел из больницы, в знак благодарности подарил старушке красивую лейку для цветов, купил торт и шампанское, которое они вместе и распили. Клавдия Ивановна охотно рассказывала Мите про случившееся с подробностями, какие смогла запомнить. Но ничего конкретного про то, как он оказался на дереве. Особенно Митю заинтриговала беседа с красивой женщиной. Собака ещё большая чёрная рядом крутилась. Старушка их заметила мельком, после чего пошла пить чай. А когда вышла, то как раз увидела, как Митя падал. Рядом никого уже не было.

У Клавдии Ивановны в доме жил очаровательный котёнок. Белый, пушистый. Не совсем маленький, но ещё и не взрослый. Котом не назовёшь, да и котёнком тоже. Котик, одним словом. Когда пили чай, настойчиво тёрся о Митины икры и задумчиво мурлыкал. Ласковый. Митя иногда брал его на руки, гладил. Котик начинал утробно урчать, как маленький трактор, и от удовольствия прогибал спинку.

Мите вначале нравилось забегать к старушке. Тихая домашняя идиллия успокаивала, расслабляла. Рассказывал про учёбу, работу. Клавдия Иванов-

на участливо слушала, поддакивала, иногда восхищённо вставляла: “Вот молодец, унучек!”

— А что ж, зазноба есть у тебя, Митька? — такой вопрос звучал, чуть ли не каждый раз. — Вона ты какой вымахал. Красавчик! И без девушки? Не хорошо это-ть.

Митя отвечал, что достаточно успел нагуляться и до армии, и после. Теперь учиться надо, да и на жизнь подзаработать. А пристанет жениться, куда молодую жену приведёшь, в хрущёвку? Нет, пока повременим.

— И то верно, милоч, — соглашалась собеседница. — Для семейного гнёздышка капиталец-то сколотить надобно. А что, много платят в таксистах?

— Когда как, Клавдия Ивановна. Бывает, что и премиальные дают хорошие, а бывает, что и на мороженое не хватает. Ну, и левый заработок, какой-никакой.

— Эх, мила-а-ай, да какой там у тебя заработок. Сурьёзным делом заняться надо-ть. Вона, люди иные живут, в хоромах, да на мисидесах ездют.

— Да какие ж это люди, Клавдия Ивановна? Бандиты, воры, убийцы. Знаем мы таких. Я, как они, не могу. Сроду чужой копейки не взял.

— Ой, ли? Так уж и не взял? — старушка прищурилась, а Мите стало как-то не по себе. Он замолчал и внимательно поглядел ей в глаза.

— Что это вы меня на слове ловите? Да, я ни разу не зарился не на своё и не собираюсь. — Отчего-то этот разговор начинал злить его, то ли взгляд у бабки был приставучий, не мигающий, то ли её намёки непонятные. С чего вообще завела она такой разговор?

— Ну, и молодец, Митрий, правильно! Так и надо жить, честно, по справедливости.

— А я про это вам и толкую.

— Дык, верно-то оно верно, милоч, да только кто знает, где эта справедливость начинается и где заканчивается? Вам про это в нирвиситете читають? Мало я её знала в жизни своей, Митька. Согнула меня жизнь справедливостью своей до земли. Хочешь, расскажу, какая мне долюшка досталась? Щас, милоч...

У Мити неприятно зануло под ложечкой. Станный разговор. Незнакомые ассоциации стали настраивать его на враждебный лад к этой вдруг так изменившейся пожилой женщине, которой он, вполне возможно, обязан жизнью. Особенно это: “Щас, милоч”! Как нехорошо прозвучало. Такое ощущение, уже когда-то он уже слышал это.

Клавдия Ивановна долго болтала про горькую долюшку. Митя слушал и не слушал. Казалось, старуха говорит не то, что думает. В её глазах играли совершенно иные искорки, далёкие от сбивчивой простонародной речи.

Вышел он от неё с тяжёлой головой. Мысли путались, словно пили они не чай, а водку. Тяготили мутные предчувствия. Нет, всё-таки в ТОТ день что-то произошло. Во что-то он вляпался. И старуха имеет к тому непосредственное отношение.

Придя домой, Митя обнаружил на книжной полке новую книгу. Булгаков, “Мастер и Маргарита”. Давно хотел прочитать, но как-то не случилось. И вот на тебе!

— Мама, откуда у нас Булгаков?

— А это, Митенька, я принесла с работы. Ты как-то говорил, что хотел бы прочесть. Ну вот, читай. Одна знакомая подарила. У неё дочка учительницей работает в гимназии. Литературу преподаёт. Достала по случаю две. Одну вот тебе. — Мать, улыбаясь, вошла в комнату. Увидев Митю, забиеспокоилась:

— А ты что такой бледненький?

Митя и сам чувствовал неладное. Сердце билось учащённо, голова была, как в тумане, слегка поташнивало. Мать потрогала лоб, покачала головой.

— Погоди-ка, сынок, давление померю.

Кинулась к себе в комнату и через минуту принесла тонометр в пластиковом футляре. Со знанием дела распаковала и приладила манжету на плечо. Митя наблюдал, не скрывая удивления. Когда научилась?

— Мам, ну, ты, как заправдашний доктор.

— Щ-щ-щ! Тихо, не мешай. Так, давление нормальное. Мне бы такое. Дай-ка ещё раз проверю.

Ночь он провёл беспокойно, вздрагивал, часто просыпался. Ему ничего не снилось, но сквозь забытьё ощущалась постоянная тревога. Через открытое окно налетели комары. Надо было встать и включить фумигатор, но тело никак не хотело вырваться из оцепенения, которым сковало, словно параличом. Когда забрезжил рассвет, Митя откинул одеяло и включил ночник. Достал с полки Булгакова. С первых же строк книга им овладела полностью. “Странно, — думалось Мите, когда он прерывался, чтобы вникнуть в прочитанное, — отчего мне раньше-то не привелось его прочитать? Как говорят, пора не пришла? Каждое произведение ждёт своего читателя до времени, когда тот созреет, что ли, или когда жизнь к тому подведёт. Интересно, к чему меня жизнь подвела?”

Когда на кухне начала греметь посудой мать, Митя успел пробежать около двухсот страниц, и находился под впечатлением от прочитанного. Что же это за книга такая? По жанру вроде бы и роман, но чтобы так воздействовать на читателя, просто романом быть недостаточно. И как будто писано про него самого.

Он помимо воли вновь и вновь обращался к необыкновенному образу Маргариты. Странное чувство, что эту женщину он уже знает, назойливо овладело его мыслями. “Маргарита и чёрный лабрадор...” А это к чему пришло ему на ум? Мало ли что там следователь плёл, да старуха полуграмотная вещала? Может, и не было никакого лабрадора или, как там его, ротвейлера, что ли? Чёрных котов не хватало ещё! Бегемотов. И поняв, что в голове его образовалась сплошная чехарда, Митя поставил книгу на полку, вскочил с постели и ринулся под душ.

“Волга” шустро лавировала в сумасшедшем транспортном потоке. Митя машину вёл уверенно, полагаясь на интуицию, которая ни разу не подводила его. Он чувствовал дорогу, как собственный организм, и знал, где притормозить, а где, наоборот, поддать газку. Руки и ноги управляли автоматически, как бы сами собой, отчего голове доставался широкий оперативный простор для умозаключений. Постепенно Дмитрий Сергеевич становился настоящим асом городских улиц и перекрёстков.

Был час пик, и объездное транспортное кольцо кишело автомобилями. Новичку — ад. За последние годы количество машин в городе возросло в десятки раз, постоянно возникали пробки, миновать которые не было никакой возможности, особенно если ты лопух. Мите же по какому-то везению всегда удавалось проскакивать автомобильные заторы. Он их умел предвидеть и выбирал соответственно маршруты, менее всего уязвимые. Ради выигрыша во времени, что для таксиста всегда оправданно, приходилось делать солидный крюк или сознательно впутываться в нескончаемые лабиринты узеньких улочек, проходных дворов, знакомых с малолетства. Пассажиры пугались, ворчали, но когда вовремя поспевали к поезду или в аэропорт, обязательно благодарили хорошими чаевыми.

Вот и на этот раз Митя удачно миновал предполагаемые пробки и мчался по трассе с ветерком. До начала регистрации в аэровокзале оставалось совсем ничего, и пассажир явно нервничал. Это был грузный мужчина средних лет, одетый в дорогой костюм. На пальце его Митя успел заметить поблёскивающий крупным бриллиантом великолепный перстень.

— Куда летим, если не секрет? — Митя, чувствуя состояние клиента, пытался отвлечь его непринуждённым разговором. — Да вы не переживайте. Почти доехали.

— Я знаю, — буркнул в ответ представительный мужчина и принялся неуклопе вертеть головой, постоянно оглядываясь назад.

Митя пожал плечами, промолчал. Если пассажир не желает говорить, лучше не лезть в душу.

— Вот что, — в голосе мужчины неожиданно сквозанули повелительные нотки. — Ты, парень, сверни-ка вон туда, — он указал пальцем на прилегающую к трассе лесную дорогу, которую не сразу и заметишь-то среди кустарника.

Митя хотел возразить, но вдруг почувствовал: не стоит. Понял: не совсем обычный пассажир! И, что интересно, ничего странного в желании клиента не узрел, как будто знал, что именно на этот просёлок в данный момент им и надо. Перескочил кювет, слегка шаркнув днищем по песчанику, и они вкатились под сумрачную сень листвы.

— Остановись, — лаконично скомандовал клиент. — Теперь заглуши двигатель.

Митя с готовностью исполнил распоряжение и, не скрывая любопытства, уставился на вспотевший лоб новоявленного командира. Тот, не обращая никакого внимания на водителя, достал с заднего сиденья кейс, покрутил колесики секретного замочка и извлёк пистолет.

— Сиди здесь и жди. И чтоб ни-ни у меня, понял?

Мите стало забавно. Никакого страха он не испытывал, одно лишь любопытство. Ну, и тип! Шмотки его, наверное, стоят больше, чем несколько моих “Волг”. Отчего это он, интересно, взял простое такси? Такие франты обычно в лимузинах разъезжают.

Пассажир, крадучись, двинулся к просвету в кустах, потом затаился и принялся наблюдать за дорогой. “Ей-богу, как в детективе. Может, ён шпиён?” — Митю криминальное действие позабавило. Так и подмывало что-нибудь такое сотворить шалопутное, очень уж несерьёзно, как ему казалось, складывалась ситуация.

Простояв около пяти минут, клиент жестом велел Мите развернуть машину и подъехать. Тот послушно тронулся с места и медленно подкатил к кустам, из которых по-прежнему внимательно наблюдал за дорогой пассажир.

— Теперь так, — не отрывая взгляда от проносящихся машин, пробурчал он, не удосужившись даже убедиться, слышат ли его. — Быстро выскываешь и гонишь, что есть мочи, к главному терминалу. Понял?

— Понять-то я понял, но как быть с автоинспекторами?

— А никак. Это моя проблема. Не бойся.

— А кто сказал, что я боюсь?

Видимо, в тоне водителя клиенту послышались нетерпимые нюансы. Он повернулся и неожиданно вскинул пистолет:

— Начнёшь выёживаться — пристрелю.

Ожидаемого испуга увидеть ему не пришлось. Митя спокойно выключил зажигание и вышел из машины.

— Послушайте, милейший! Вы явно преувеличиваете свои способности в тактике ведения ближнего боя. Пукалку уберите, как бы греха не случилось.

— Что-о-о?! — мужчина мгновенно побагровел. — Да я тебя... Ах, ты, щенок!

Доругаться он не успел. Митя мудрёным прыжком взвился над землёй и так быстро выбил из рук клиента оружие, что тот даже не успел сообразить, что произошло. Через мгновение мужчина в дорогом костюме тупо таранился в чёрное отверстие, нацеленное ему в лоб и чрезмерно громко сопел.

— Видите ли, гражданин с бриллиантом, прежде чем стрелять, надо хотя бы снять оружие с предохранителя. И вообще, я к вам со всей душой, а вы в меня стволом тычете. Невежливо.

Некоторое время оба молчали. У клиента с лица сошла краска, и оно приняло обычное сосредоточенное выражение. Митя опустил пистолет. Подумав, протянул его хозяину.

— Возьмите и — знаете что? — Давайте по-доброму. Садитесь, я сделаю всё так, как вы говорили. С пистолетом-то в аэропорту вам не пройти, между прочим.

Пассажир сел на заднее сиденье и внимательно посмотрел на Митю. Потом взял пистолет за ствол и уже другим тоном заговорил:

— Ты, я вижу, парень боевой. Бери, прикроешь, в случае чего. Потом объясню, сейчас некогда. Ну, а теперь, когда мы разобрались по понятиям, давай, выручай. В накладе не останешься. Если выкрутимся, не пожалеешь, что встретил меня.

“Волга” влилась в общий поток и стремительно понеслась в аэропорт. Митя, поглядывая на всякий случай в зеркальце заднего вида на клиента,

одновременно старался примечать машины, следующие за ними. Вроде ничего подозрительного. Перстень с бриллиантом вёл себя спокойно. Справа мелькнул указатель поворота на аэропорт. Не сбавляя скорости, Дмитрий свернул. “Волга”, издавая характерный визг, чуть не оторвалась правыми колёсами от асфальта. Выскочили на прямую, впереди уже было видно красивое здание аэровокзала.

— Чёрт!!! А этот откуда здесь взялся? — Митя едва успел вывернуть руль. Огромный чёрный “Мерседес”, возникнув, словно ниоткуда, подрезал их спереди, очевидно, пытаясь столкнуть в придорожный кювет.

Отчаянно визжа тормозами, обе машины выскочили на обочину. Но Митя на сотые доли секунды опередил соперника и, включив повышенную передачу, лихо, как в автогонках, развернул “Волгу” в обратную сторону, используя приём “скольжения”. Далее, утопив газ до упора, рванул по шоссе, успев заметить синее облачко дыма, вырвавшегося из-под колёс машины. Не щадя мотора, он набрал такую скорость, что стрелка спидометра зашкалила. На какие-то секунды оторвались. Не теряя времени на размышления, после очередного дорожного зигзага он вдавил в пол тормоза. Машина, дымя покрышками, прокатилась метров тридцать юзом.

— Быстрей из машины! — теперь командовал таксист. — Спрячьтесь в кустах. Я их отвлеку. Да скорее же!

Несмотря на грузность, мужчина резво сиганул из салона и слился с листвой. А Митя уже набирал скорость, отчётливо видя, как из-за поворота ринулась тупая морда чёрного капота, ярко блестящего лакировкой. Некоторое время, благодаря неровностям дороги, удавалось сохранять дистанцию. По всей вероятности, мастерства у водилы “мерса” явно было меньше, чем у него. Зато мощностью иномарка, конечно же, превосходила хоть и ухоженную, но всё же свой век отжившую волжанку. Это сразу почувствовалось, когда гонщики вылетели на широкую магистраль.

— Здесь не уйти, — Митя выдавливал из машины всё, на что она была способна. — Надо как-то дотянуть до просёлка. Был ведь, я приметил. Где же он?

Глянув в зеркальце, он обомлел: “Мерседес” уже сидел на хвосте. Ничего не оставалось, как начать петлять и лавировать между другими машинами, не давая им возможности себя обогнать. Он прекрасно видел, как из окна чёрной иномарки ему махали сначала голым кулаком, а потом в руке преследователя показался пистолет. “Где же гаишники?” — мелькнуло на секунду у Мити в голове, он вслух выругался так витиевато, как это у него получалось во время боевых действий в Чечне.

— А-а-ах-ха-ха-а-а! — он, наконец, заметил просёлочную дорогу, которая убегала от автострады в поле к видневшемуся в километре лесу. — Ну, теперь, господа бандиты, поговорим на равных.

Дождавшись, когда “мерс” опять сел на хвост, Митя выбрал момент и, как бы пропуская его на обгон, ударил по тормозам перед самым поворотом и вылетел на просёлок. “Мерседес” по инерции проскочил вперёд метров пятьдесят и пока, рискуя быть вдребезги разбитым встречным потоком машин, неуклюже разворачивался, “Волга” уже преодолела половину расстояния от шоссе до леса. Водитель, по-видимому, решил не жалеть иномарку и рванул Мите наперерез, не разбирая дороги, по выбоинам, кочкам и кустам. И всё же к лесу Дмитрий успел раньше.

Сквозь завесу пыли было видно, как у “мерседеса” открылась дверь, показалась здоровенная квадратная харя, следом вывалилось не менее внушительное нечто и стало палить по Митиному такси из чего-то компактного коротким очередями. С берёзок на опушке упали срезанные пулями ветки. Митя, ведя машину уже по лесу, нащупал в “бардачке” рукоять пистолета, передёрнул затвор, притормозил и в тот самый момент, когда иномарка влетела в просвет между деревьями, произвёл три быстрых прицельных выстрела по водителю. “Мерседес” резко кинуло в сторону и понесло прямо на широкий, в три обхвата, растущий на укромной полянке дуб. Поскольку скорость была не менее ста, столкновение стало для всех в машине роковым. От удара сдетонировал бензобак. Ослепительная вспышка и оглушительный взрыв

заставили Митю вздрогнуть. Он инстинктивно пригнулся и с силой надавил на тормоз.

Не зная, что предпринять дальше, на какое-то мгновение он растерялся. В какую круговерть, гражданин Сергеев, вы позволили себя вовлечь? Костёр неподалёку издавал зловещий треск, в небо вздымался чёрный дым. Вероятность того, что кто-то выжил, была минимальной. Постепенно он начал приходить в себя. Оглянулся. На заднем сиденье лежал кверху дном кожаный кейс. Ну, правильно, решил Митя, это его, бриллиантового “клиента, чей же ещё. Перетащил кейс на переднее сиденье. Замок был надёжный, и сколько Митя ни крутил колёсики у кодирки, разгадать код не удалось. Пришлось доставать из кармана нож. Лезвие с трудом протиснулось в щель около защёлки. Покручивая колёсиками, Митя распатал железки. Что-то щёлкнуло, и кейс распахнулся.

Внутри лежал внушительный пухлый свёрток из жёлтой паковочной бумаги, перетянутой шпагатом. Не понимая, откуда, но Митя уже знал, что внутри. Он потянул за конец знакомого бантика и уверенно извлёк чёрный полиэтиленовый, наглухо запааянный по краям, увесистый пакет.

На обратном пути гнать уже не было смысла. Проехав по трассе пять километров, Митя прижался к обочине и решил осмотреться. Позади темнел шлейф дыма, поднимавшийся над лесом и расплывавшийся чуть выше мутным пятном на фоне сияющих белых облаков. Вскоре в небе появился вертолёт и стал кружить над пожаром. Ещё через несколько минут мимо пронеслись милицейские и пожарные машины с мигалками. Туда же.

Не обнаружив повреждений, вынужд только несколько ольховых веточек, застрявших в щели задней двери, Митя погнал машину в направлении аэропорта. Свернув за указателем, он стал высматривать кусты, где спрятал рокового пассажира. Найдя похожие, остановился. Со стороны взлётного поля слышался сильный рёв реактивных двигателей. Периодически взлетал и проносился прямо над ним очередной лайнер, при этом старая обшивка “Волги” начинала дребезжать.

— Ну, где же вы, господин хороший? — Митя начинал терять терпение, поскольку не имел понятия, что делать. Чёрный пакет он вскрывать не стал. И так знал, что в нём. Аккуратно всё упаковал, стараясь, чтобы не было заметно. Так же легко удалось ему защёлкнуть кейс. Вроде ничего не видно, сойдёт.

Он на мгновение усомнился, там ли притормозил? Но вскоре блеснул из зарослей радужный лучик. Ага! Здесь, голубчик. Наверное, пот со лба вытирал, — вот бриллиант на солнце-то и заиграл. Нет, это не шпион. Таких ляпов разведка не допускает.

Митя трижды просигналил, а потом ещё и помахал рукой. Пассажир нерешительно покинул своё убежище. “Надо же, — отметил про себя Митя, — ни пятнышка. Как будто из бутика вышел. Денди. Даже стрелки на брюках целы”.

— Стрелять пришлось? — “бриллиантовый” сразу же, без обиняков, приступил к расспросам.

— Трижды, и думаю, что в цель.

— Тогда от ствола надо избавиться. Немедленно.

Сели в машину. Толстяк оглянулся на кейс. Митя спокойно отвернулся в окошко.

— Поехали, — видимо, удовлетворившись, распорядился клиент. — Сначала туда, — он указал на второстепенную шоссею.

Митя догадался: пистолет надо утопить в протекавшей километрах в трёх речушке. Через пять минут они остановились на мосту. Дождавшись, когда проскочат другие машины, мужчина зашвырнул оружие подальше в воду. Удостоверившись, что за ними никто не наблюдает, сел рядом с Митей и лаконично приказал:

— В аэропорт.

Когда такси припарковалось около главного терминала, пассажир снял с пальца перстень:

— Надень.

Митя молча принял драгоценность. Размер совпал. Натянув бриллиант на левый безымянный палец, он вопросительно посмотрел на хозяина.

— Деньги отвезёшь, куда скажу, — видя, как взметнулись у Мити брови, он продолжал говорить довольно резким, не терпящим возражений тоном. — Лишних слов не нужно! Что не взял, это хорошо. Ведь мог?

Митя промолчал.

— Ладно, запомни адрес. — Толстяк в очередной раз смахнул со лба пот. — Поезжай прямо сейчас. Перстень — это вроде пароля тебе будет. Говорить, чтоб не трепался, не стану. И так вижу: не из болтливых. Как думаешь, выжить кто-нибудь мог?

— Нет, все сгорели, я рядом стоял.

— Будем надеяться, что так. Тебя как зовут?

— Митя. Сергеев Дмитрий Сергеевич.

— Меня можешь величать Арнольдом Митрофановичем. Давай, Митя, езжай. Там тебе всё просветят.

Он взялся за ручку, но задержался, сел обратно.

— Держи.

— Что это? — Митя нерешительно принял конверт, который Арнольд Митрофанович извлёк из внутреннего кармана.

— Как что? Заработок. Бери-бери, станешь и дальше так трудиться, будешь иметь всё. Прощай.

Ничего больше не говоря, скорыми шагами пассажир направился к автоматической стеклянной двери вокзала, а Митя включил стартёр.

Тёплый ветер врвался в кабину и теребил зуб. Было приятно. Ехал он, не превышая скорости, соблюдая дистанцию. Проезжая злополучное место, ничего, к своему удивлению, интересного не заметил. Дыма уже не было. Ни милиции, ни пожарных, ни вертолётгов. Его ни разу не остановили на постах ГИБДД. О погибших не без его участия людей Митя вспоминал без всякого сожаления. К тому же, в боковом кармане лежал конверт с десятью тысячами баксов. То, что сегодня в него стреляли и наверняка могли убить, также не вызывало никаких эмоций. По такому поводу Митя последний раз переживал, когда отправлял из Чечни “груз 200” с телом друга, погибшего при налёте боевиков на их подразделение. Потом было ещё много потерь, и боль за товарищей не ощущалась уже так остро. Потом он сам чуть не погиб. Но ведь то была война, жестокая, непримиримая, но справедливая. Митя даже чеченских боевиков не осуждал, в какой-то степени уважая их мужество и бескомпромиссность, а также умение воевать. А здесь что творится? Из “Мерседеса” стреляли явные отморозки. Разве это люди? Хуже бандитов.

Размышляя, Митя не заметил, как вкатил в город и помчался проторенным маршрутом. Спустя некоторое время сообразил, что адрес, данный Арнольдом, вроде как знаком ему. И чем ближе подъезжал к месту, тем отчётливее начинала работать память. Господи, да ведь это же рядом с моим домом! От неожиданного прозрения он даже остановился, включив аварийную сигнализацию. Его бросило в жар. Он догадался, чей то был адрес.

Баба Клава, как всегда, поливала свои ненаглядные герани. Митину “Волгу” она заметила сразу.

— Ну, вот, милоч, и сошлись наши пути-дорожки. Летун ты наш. Куда ж денешься, родименький? Слышь, Котофеич? Прикатил голубчик.

Из комнаты послышалось царапанье. Кот оттачивал когти о косяк двери. Потом, изогнувшись, принялся облизывать свою глянцевитую чёрную шёрстку.

— Давай, прилижись, ласковенький мой. Прилижись да гостя встречать будем.

Кот фыркнул, кинулся на спину, начал кататься по ковру, недовольно урча. Шерсть у него сделалась серой. Покатавшись, встал на лапы, подбоченился и вдруг издал дикий вопль, от которого даже Клавдии сделалось не по себе. Перевоплощение завершилось. Из чёрного матёрого котяры снова получился пушистый очаровательный белый котик.

Лето кончилось как-то вдруг. Проснувшись однажды, Митя обнаружил на берёзке под окном первую позолоту. А через неделю все деревья польхали той прелестью, от которой хочется быть поэтом, чтоб хотя бы в бесхитростных наивных строчках продлить, запечатлеть восхищение пышным успехом природы. Начался осенний семестр. Получив письменные задания в университете, он затарился в библиотеке литературой, и жизнь заочника потекла привычным руслом. Но была у Мити теперь ещё и другая жизнь.

Он уже не работал в таксопарке, хотя продолжал исполнять должность водителя. И не только водителя. Вместо потрёпанной “Волги” он водил теперь роскошный джип. Сергеев каждое утро надевал дорогой костюм с белой рубашкой и галстуком, обязательный атрибут — золотая заколка с бриллиантом. Так требовал Арнольд Митрофанович, шеф. Кто он был, этот Арнольд, Митя так до конца и не разобрался. В центре города имелся шикарный офис, напичканный современным оборудованием, штатом сотрудников, таких же неразговорчивых, как и патрон, несколько сногшибательных секретарш. Но чем люди в этом учреждении занимались, оставалось для Мити мрачной тайной. Любопытство иной раз доводило до зуда, но он старался его перебороть. Помнится, “любопытной Варваре на базаре нос оторвали”, а здесь могли оторвать и голову.

Другим обязательным атрибутом его новой службы была официально разрешённая двадцатизарядная “беретта” под пиджаком в нательной кобуре, поскольку Митя исполнял ещё и роль личного телохранителя Арнольда. Каждое утро ровно в семь тридцать он заезжал за шефом, причём каждый раз по новому адресу, который становился известен ему всего лишь за полчаса. Арнольд звонил по мобильнику и говорил, куда следует подъехать. Ни разу адрес не повторился. Складывалось впечатление, что шеф владеет всем городом. И ещё было одно обязательное правило: Митя отъезжал от своего дома в шесть тридцать и, петляя по улицам и проходным дворам, внимательно наблюдал, нет ли слежки.

Раз в неделю надо было завезти на квартиру к бабе Клаве пакет. Всё тот же пухлый, в жёлтой оберточной бумаге, перетянутый шпагатом, завязанным бантиком. Старуха расплывалась в улыбке, по-простецки нахваливала своего “Митрия-касатика”, тащила за стол к самовару. Митя не кочевряжился, садился и с аппетитом уплетал плюшки, пирожки с творогом, брусничкой, всевозможные блинчики. У Клавдии Ивановны на этот счёт были золотые руки. Всё у неё выходило необыкновенно вкусным. И чай, кстати сказать, она заваривала отменно. Видя, как по-стахановски Митя управляется с её стряпнёй, баба Клава умилялась до слёз, начинала тягомотить про свою несладкую жизнь, что Бог не дал ей деток. И до того влюблённо тарасилась на “касатика своего”, что Митя начинал ёрзать на стуле, отталкивая ногой под столом назойливо лезущего ласкаться кота. Он старался в ответ улыбаться, хоть и получалось натянуто, поскольку не чувствовал искренности в старухиных излияниях. Да и о какой искренности могла идти речь в этом, по меньшей мере, странном доме?

Дни бежали. Слетела листва, отошли октябрьские дожди, наступил ноябрь. Природа затаилась, краски её поблекли. Небосвод по большей части был обтянут серой замшей, а ползающие туда-сюда тучи казались пропитанными свинцовой примочкой. Ничем выдающимся дни и недели не отличались. Работа Митю не изнуряла, он мог уделять достаточно времени чтению. Арнольд редко выезжал из офиса до вечера. Митя отвозил его в ресторан, каждый раз новый, после чего шеф отпускал его домой.

Сегодняшний день, как и все предыдущие, начался и до семи тридцати продолжался обычно. Попетляв по городу, Митя глянул на часы: время вышло, а звонка нет. Дмитрий извлёк из футлярчика на поясе мобилку, проверил, в исправности ли? Звонить Арнольд разрешал ему лишь в крайнем случае. Оставалось кружить по городу и ждать. Митя вынул из главную улицу и двигался не спеша в общем потоке машин, автоматически через зеркала заднего вида фиксируя обстановку. Тупую морду “Мерседеса” он заприметил сразу, как только свернул на боковую улицу. Вначале не придавал этому значения, но теперь почувствовал, как внутри зародилось и заняло нехоро-

шее предчувствие. Зная по опыту, что подобные ощущения у него никогда не бывают беспочвенными, непроизвольно потрогал кобурку. Достав мобильник и убедившись, что входящих звонков нет, набрал скорость. Обгоняя машины, отметил, что “Мерседес” рванул следом. Ну, теперь всё ясно. И по-хож-то как!

— Здравствуйте, Арнольд Митрофанович, — Митя всё же решился и набрал номер шефа. — Меня преследует чёрный “мерс”, точь-в-точь как тогда, перед аэропортом.

— Знаю, — прозвучало лаконично и без каких-либо эмоций, — действуй по обстоятельствам.

Шеф отключился. Митя пожал плечами, резко, нарушая правила, развернулся и понёсся к ближайшей второстепенной улочке, даже не глядя в зеркальце. Знал, что теперь не отстанут.

Погоня! Какой жанр обходится без погони? Митя улыбнулся цитате. “И нет нам покоя, гори, но живи! Погоня-погоня-погоня-пого-о-о-ня в горяче-е-е-й крови. Та-дам, та-дам, та-дам, та-да-а-а-м...” Знаменитая песня *неуловимых мстителей* из фильма, который Митя с детства обожал, теперь звучала в салоне автомобиля, как боевой гимн. То ли взбодрил мотив, то ли быстрая езда, но Митя ощутил азарт. Он гнал, не боясь непредвиденных препятствий, потому что знал их все наперёд. Даже притормаживал, замечая, что “Мерседес” отстаёт. В одном из дворов преследователи со всего маху наскочили на какой-то сарайчик, видимо, водитель не справился с управлением.

— Что, уже шарики за ролики заскакивают? — злорадно пробормотал Митя и остановился, дожидаясь, пока в “мерсе” очухаются. От такого нахальства у бандитов начиналась истерика. Не успев выскочить из завала — сарай-то разлетелся по доскам! — “Мерседес” тут же снёс столик, на котором обычно отводят душу доминошники. Матерясь на весь двор, из машины вывалился... Нет, не может быть! Митю бросило в дрожь. Он же должен был сгореть! Раздалась очередь, пули прошли заднее и лобовое стёкла джипа. Митя нажал на газ.

Никак не получалось восстановить хладнокровие. Его всего трясло. Дворы мельгали один за другим, джип выскакивал на главную дорогу, потом опять нырял в невзрачные проулки. И всё время “мерс” висел на хвосте. Теперь Митя и рад был оторваться, но не получалось. Как будто там сменился водитель, или... Или “Мерседес” вёл он сам. От таких рассуждений голова пошла кругом. Это плохо. Митя начал уставать. На выезде из очередной поворотни зацепил бампером за угол, машину отбросило в сторону, а он сам ударился виском так сильно, что потемнело в глазах, только слышно было, как визжат тормоза у встречной иномарки, чуть не врезавшейся в него.

Митя резко нажал на педаль тормоза. Оглянулся. “Мерседес” тоже остановился. Из задней дверцы показалась изуродованная грубым шрамом физиономия и ослабла:

— Щас, милок.

Вывалились и остальные. У одного в руке блеснул огромный тесак, другой поигрывал бейсбольной битой, третий вскинул автомат.

— Та-та-та-та-та, — громко протараторил тот, что со шрамом, остальные заржали.

Митя поднял голову и опешил: на одном из балкончиков стояла Клавдия Ивановна с леечкой, которую он ей подарил, и поливала герани. Она радостно кивала тем, что стояли около “мерса”, а потом ангельским голосочком пропела:

— А где ж мой касатик, мой Митрий?

— Привет, баба Клава! — дверь водителя отворилась, из неё показался...

Дальше, как во сне, Митя увидел подобие себя за рулём чёрного “Мерседеса”, приветливо махавшее старухе с геранями.

— Га-га-га!!! — ещё громче заржала блатная компания.

И в довершение кошмара из-под Митиново джипа вынырнул белый котик и, вздыбив свой великолепный пушистый хвост, чинно проследовал к “Мерседесу”. Потом встал на лапы, моментально сделался чёрным, подбоченился и, громко промяукивая гласные, завопил:

— Ща-а-а-с, милоч, ща-а-а-с...

Митя вдавил в пол акселератор. Мотор взревел. Колёса завизжали, машину развернуло и понесло прямо на бандитов. Выхватив “беретту”, он высунулся в окошко и стал лихорадочно палить по водителю. Бандит со шрамом поспешил из “Мерседеса”, но столкновение произошло как раз в тот момент, когда он только наполовину высунулся. От удара его подкинуло вверх и швырнуло в кусты, что росли неподалёку. Митю же со страшной силой бросило на рулевое колесо, но сработали подушки безопасности, и никакой травмы он не получил. Обе машины вспыхнули. Митя выбрался наружу.

Кот, придавленный колесом Митинового джипа, предсмертно выл. Старуха с балкона редела:

— Ох, уби-и-и-ли!!! Уби-и-и-ли!!!

Боковым зрением Митя отметил, как справа мелькнула бейсбольная бита. Он инстинктивно ринулся навстречу нападавшему, отчего удар пришёлся по воздуху, бандита крутануло, и Мите ничего не оставалось, как вырубить его резким хуком правой снизу в челюсть. Но увернуться от ножа он не успел. Тесак пропорол дорогой костюм, и спасло его лишь то, что лезвие натолкнулось на кобуру и прошло по рёбрам вскользь. Митя трижды выстрелил в бандита в упор.

Неожиданно прямо у ног с грохотом разлетелся керамический горшок, забрызгав брюки до колен грязью. Вскинул голову, он едва успел увернуться от второго горшка. Даже почувствовал характерный запах, который издаёт герань, когда её беспокоят.

— Ах ты, старая ведьма! — Митя впал в бешенство.

Он прицелился и выпустил по старухе всю оставшуюся обойму. Из кустов показалась знакомая физиономия со шрамом:

— Ну, милоч, патрончики-то тю-тю? Щас мы тебя. Щас, — он нагнулся за автоматом, что валялся рядом.

Взрыв страшной силы потряс весь двор, из окон посыпались стёкла. Митя понял, что находится в воздухе, но не падает, а висит неподвижно. Он глянул вниз. Там распростёрлось в неуклюжей позе тело, сжимавшее в предсмертной судороге автомат. Рядом с телом валялось что-то продолговатое, чёрное. Кошачий хвост.

Митя толкнул пространство руками, как будто плыл в воде, и направился к балкону. Плавно опустившись на него, проник внутрь квартиры. На диване, сцепившись, ворочались два женских тела. Одно из них, окровавленное и обезображенное, принадлежало бабе Клаве, а второе... Митя обомлел, узнав. Это была Надежда Николаевна. Совершенно обнажённая.

— Марго, это я, — произнёс незнакомым для себя голосом Митя. — Сейчас, секунду. Держись!

Он подлетел и резким движением скрутил старухе голову, ухватившись руками за подбородок и затылок. Баба Клава истошно взвыла, её пальцы, до того намертво сцеплённые на горле девушки, разжались, и она вдруг, словно в неё влили живительный эликсир, вырвалась, встала на дыбы и зарычала раненой медведицей. У Мити мурашки по спине побежали. Ему даже показалось, что руки у бабы Клавы покрылись бурой шерстью, а рот стал вытягиваться, из него потекла слюна, а вместо гнилых старческих зубов прорезались массивные клыки. Комната наполнилась отвратительным смрадом. Он быстро перезарядил пистолет и, уже когда готов был к стрельбе, увидел, что перед ним душераздирающе ревет самый настоящий монстр со звериной внешностью. Прицелившись предположительно в сердце, Митя разрядил обойму. По сторонам полетели ошмётки тканей, шерсти, чего-то скользкого, грязно-бурого. Чудище припало на колени, не переставая размахивать лапами, зацепило угол шкафа, шкаф разлетелся в щепки.

— Марго, улетай. Я догоню, — Митя опять не узнал собственный голос. Девушка, покачиваясь и держась за горло, встала и обняла его.

— Только с тобой, — прошептала она, но Митя уже подталкивал её к балкону.

За их спинами хрипело и смердело. Монстр снова поднялся на ноги и шагнул следом. Надежда Николаевна, не обращая внимания на наготу,

легко приподнялась над полом и словно поплыла по воздуху. Задержалась у перил, оглянувшись.

— Да лети же, Маргарита! Нельзя эту нечисть так оставлять. Я справлюсь. Но один. Когда ты рядом, я не смогу быть жестоким. Прошу тебя, любимая, улетай. До встречи.

Девушка быстро набрала высоту и скрылась в облаке. Митя кивнул в знак одобрения и приготовился к битве.

— Помни, что я всегда жду тебя, Мастер, — принесло ветром перед тем, как раздался оглушительный вой.

У Мити оставалась последняя обойма. И он понимал, что стрелять в сердце бессмысленно. По всей видимости, там и сердца-то не было. А куда? Если пули не попадут наверняка, он погиб. Есть двадцать патронов. Где же, где уязвимое место? Нечисть же!

Он по-прежнему парил в воздухе. Монстр пытался достать когтями и наносил удары. Митя легко уворачивался, отгалкиваясь руками и ногами от стен, потолка. В квартире царил настоящий разгром. То, во что превратилась баба Клава, блеснуло откуда-то из впадины между глазами пронзительно жёлтым лучом, как лазером резануло. Митю на мгновение ослепило. Прикрываясь рукой, нащупал мушкой место, откуда исходил лазерный луч, и нажал на спусковой крючок. Отдача “беретты” швырнула к противоположной стене. Чудище завывало ещё громче, стало дёргаться и метаться. Митя отлетел за балкон, ухватился левой рукой за перила и стал прицельно посылать пулю за пулей. Когда оставался всего лишь один патрон, монстр рухнул: смрад усилился и стал нестерпимым. Митя оттолкнулся и хотел уже лететь к облаку. Но вдруг снизу раздалось жалобное пискливое мяуканье. Белый несчастный котёнок, прижавшись к стене и дрожа всем пушистым тельцем, будто звал на помощь. Митя спустился. Подошёл. Ему стало так его жалко.

— Кс-кс-кс. А ты что тут, бедолага? Откуда ты? Иди ко мне, а то ещё бегемот какой-нибудь порвёт.

И в ту самую секунду, когда котик готов был прыгнуть на руки, увидел, что у него нет хвоста.

— Ах ты тварь! — Митя быстро выпрямился, а кот, сделавшись втрое больше размером и совершенно чёрным, блеснул жёлтыми огнями из глаз и прыгнул, намереваясь вцепиться в горло. Митю спасла бойцовская реакция. Последний выстрел разнёс коту череп.

Неожиданно двор заполнился воем сирен и бликами милицейских мигалок. Митя взмахнул руками, оторвался от земли, но... Силы взлететь уже не было. Он пытался махать руками интенсивнее, но ничего не получалось. “Беретта” так и осталась в руке. Омоновец в чёрной маске, увидев оружие, налетел, сбил с ног, огрел дубинкой. Митя на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, то на запястьях уже замкнулись наручники, а самого его волокли в автозак.

В этот момент непонятно откуда выскочил чёрный лабрадор и кинулся на омоновцев. Всё произошло так неожиданно, что бойцы не успели среагировать. Собака сбита одного с ног, другой выпустил Митину руку. Можно было бежать, но Митя вдруг заметил, как третий омоновец вскинул автомат и уже готов был расстрелять пса. Дмитрий грудью толкнул бойца, тот не удержался, припал на колени. Очередь прошла по верхушкам тополей, сбив несколько веток.

— Беги! — крикнул Митя лабрадору, и пока бойцы возились с ним, собака рванулась в кусты. В последний момент пёс оглянулся, кивнул Мите и исчез. А облако, что висело низко над двориком, медленно поплыло прочь.

Сзади раздавались и одиночные выстрелы, и автоматные очереди. Выла сирена, ревели моторами бронетранспортёры, слышалась ругань. Мимо пронеслись машины скорой помощи с включёнными проблесковыми маячками. Дмитрий, почти обезумев от пережитого кошмара, замешанного на чудовищной мистике, бежал к дому, держась за голову. Навязчивое: “Щас, ми-

лок...” — всюду преследовало его. Митя искал глазами, откуда оно. Кроме тёмных кустов, голых деревьев и шарахающихся редких прохожих, никого видно не было. А голос был.

Митя стал устывать, ноги подкашивались. Спотыкался. Дышать сделалось нестерпимо тяжело, кольнуло в сердце. Но не останавливался. Уже у подъезда почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Ухватился за перильца лестницы. Оглянулся. Прямо за спиной стояла старая компания: верзила со шрамом, бандит с тесаком и ещё один с бейсбольной битой. Все скалились. Митя, собрав последние силы, ринулся к двери, быстро отпер ключом, который отчего-то оказался в кулаке, захлопнул дверь и прыгнул в койку, накрывшись с головой одеялом.

Было слышно, как бандиты ворвались в квартиру, вышибив дверной косяк. Тот, что со шрамом, стащил одеяло. Мелькнуло лезвие тесака. Митя инстинктивно крутнулся, отчего нож воткнулся не в него. Раздался рёв. По всей комнате распространился удушливый смрад. Митя поднял голову. В комнату, не спеша, вваливался рыхлой массой монстроподобный субъект с полковничьими погонами. Из жёлтых глаз его били два ярких луча, а между ними начинал высверливаться лазерный пучок, становясь с каждой долей секунды всё мощнее. Лазер принялся блуждать. Отыскав Митин взгляд, он упёрся в точку на переносице и стал буровать её.

— Что, Арнольд Митрофанович, всё-таки хочется душу мою заполучить?

Остальные бандиты попадали на колени и утвердительно закивали головами, гундя под нос:

— Угу-угу-угу.

Из пасти Арнольда потекла слюна, он удовлетворённо засопел и двинулся на своего бывшего охранника. А Митя вдруг почувствовал, что стал совершенно спокоен. Его подняло над полом. Он парил в воздухе и улыбался.

— Щ-щ-щ-а-а-ас-с-с, милоч, — передразнил он, — щ-щ-щ-а-а-а-с, Арнольдик. На, получи мою душеньку, чмо нерусское!

И, мгновенно подлетев к уроду, схватил его за голову и прижал к переносице гранату, которую успел незаметно извлечь из потайного запаса. Чека уже была выдернута. Через секунду всё провалилось в небытие.

— Повезло тебе, солдат, — хирург, присев на край госпитальной койки, считал пульс и отчего-то улыбался. Улыбка у него была добрая, душевная. — Хочешь, честно? Не выживают в таких ситуациях. Ты, конечно, не помнишь ничего. Не должен, во всяком случае. Такие контузии память отшибают. Поверь, сынок, чтобы после фугаса, под какой ваш БТР попал, осталось хотя бы ошмётке какое-нибудь, немислимо. А ты практически невредим.

— Послушайте, доктор, а чего вы меня сынком называете? Мы не так уж и разнимся в возрасте, — Мите захотелось шутить.

— Да вижу, вижу, что ты дед уже. Глядел на себя в зеркало, нет?

— Нет ещё.

— Ну, когда поглядишь, поймёшь, что сынок ещё. Только... — и доктор вдруг посерьёзней, — только с обратной стороны. Ладно, спи давай, это единственное пока для тебя верное лекарство. Спать, спать, спать.

И ушёл, по пути отдавая распоряжения медсестре, которая вскоре принесла шприц и что-то вколола Мите в ягодицу. Голова пошла кругом, сделалось приятно.

— Слышь, Танюша?

— Что, Димуль? — сестра склонилась над койкой, улыбнулась. Он протянул её к себе и поцеловал. Она ответила. Оправив халатик, Татьяна сделала притворно строгое лицо:

— Чего-нибудь ещё желаете, раненый?

— Желаяю, желаяю, — Митя протянул руки.

— А вот, молодой человек, и нетушки. Много сладкого вам вредно.

— Тань, ну, ты чего. Иди же, — Митя по-прежнему простирал к ней руки. — Ну, ещё разок, ну, я прошу.

— Со своей ненаглядной целуйся! — Татьяна решительно направилась к выходу.

— Да погоди ты, — Митя чувствовал, что уже начинает отключаться, у него стал заплетаться язык. — С какой ненаглядной? Ты это, Тань, к чему? Нет у меня никого.

— Да? — медсестра состроила рожицу. — Нету? А кто всю ночь сегодня стонал: “Маргарита, Маргарита”?

— Какая ещё Маргарита?

— Не знаю, какая. Тебе виднее. Все вы, мужики... — не договорив, она вышла из палаты.

Митя откинулся на подушку. Белиберда! Что она выдумывает? Мужики, мужики... А вас, баб, вообще понять невозможно. И уснул. Долгим, спокойным, без всяких видений сном. А когда через сутки проснулся, встал и, пошатаваясь, подошёл к зеркалу, не узнал себя. На него смотрел не мальчик Митя с курчавыми тёмными волосами, а поседевший и враз постаревший на добрый десяток лет мужик.

Время излечивает всё. Дмитрий Сергеев вернулся из армии. Живым, в отличие от некоторых своих друзей. Сказать, что возмужал, — мало. Он стал очень взрослым. Многие виделись совершенно в ином, чем когда-то, свете, многое открылось, что ранее было недоступным его пониманию. Научился видеть людей и определять им цену. Странное дело, раньше Митя не замечал, сколько хороших людей вокруг. Не мог объяснить себе причину столь разительной перемены. Разве дело только в том, что побывал по ту сторону бытия благодаря чеченскому фугасу? Вряд ли. Нечто подозревающее наталкивало его на иные раздумья. Какие-то предчувствия бередили душу, но их Митя расшифровать не мог.

От медсестры Тани пришла пара писем. Он ей отвечал. Потом всё само собой заглохло. Не задевало, значит, за те струны, на которых играют настоящей влюблённые. Заочная учёба Мите давалась легко. Работа в таксопарке была в радость. Он любил водить машину.

В это пасмурное утро в парк бежать было не нужно. Машина стояла около подъезда, так как Митя допоздна развозил клиентов, а ещё надо было посидеть с литературой. Засиделся далеко за полночь, и сейчас одолевала зевота. Но надо идти. Зарабатывать на жизнь, на учёбу.

Светло-зелёная “Волга” с пашечками по бокам вся покрылась серёжками от тополя и пылью. Митя снял машину с сигнализации, сел за руль. В доме напротив какая-то милая старушка поливала герани на балконе третьего этажа, не обращая на него никакого внимания. По перильцам балкона отважно прогуливался симпатичный белый пушистый котик. Вставив ключ в замок зажигания, Митя включил стартёр. Мотор послушно заурчал, придавая корпусу характерную вибрацию. Позволив двигателю поработать несколько минут вхолостую, он включил заднюю скорость, чтоб развернуться. А когда оглянулся, увидел на заднем сиденье пухлый свёрток жёлтой обёрточной бумаги.

— Откуда он взялся? — Митя попытался припомнить, проверял ли с вечера машину? Пассажиры частенько что-нибудь забывали в салоне. — Нет, не помню. Надо отвезти диспетчеру.

И, развернув “Волгу”, он помчался по мокрой дороге. Сверху на город падал тёплый весенний дождь, прибывая пыль и давая влагу растениям, которые после долгой зимы принялись выпускать на свет свежие молодые побеги, ростки, клейкие листочки и цветы.

Диспетчер внимательно осмотрела свёрток, пожала плечами и закинула на полку для забытых вещей:

— Надо будет, хозяин отыщется.

Митя некоторое время смотрел на него, о чём-то задумавшись, потом решительно встряхнулся, словно сбрасывая с себя невидимую тяжесть.

— Ну, раз для меня вызовов нет, поеду по городу. Так сказать, в свободном парении. Счастливо!

— Давай, Митенька, — диспетчерша приветливо помахала в ответ, — только допоздна не разъезжай, а то опять мама станет звонить, беспокоиться.

Асфальт блестел. Около луж Митя притормаживал, чтобы не обрызгать пешеходов. В окно врывался воздух, пресыщенный озоном и головкружи-

тельными весенними запахами. Свернув на густо заросшую кустами сирени улицу, над которой горделиво возвышались минареты пирамидальных тополей, он приметил полного мужчину в дорогом костюме, с солидным кожаным кейсом. Тот явно намеревался поймать такси. Сбросив газ, Митя включил поворотник и уже собрался прижаться к обочине, как вдруг с противоположной стороны улицы выбежала миловидная девушка и призывно замахала рукой. Не раздумывая, Митя переключил поворотник влево и лихо, как автогонщик, развернулся, пробуксовав по мокрому асфальту завизжавшими покрышками. В зеркальце заднего вида он успел заметить, как недобро блеснули жёлтыми огоньками, будто у тигра, глаза несостоявшегося дорогого пассажира. На лимузине, уважаемый, на лимузине.

— Здравствуйте! — девушка оказалась просто красавицей с необыкновенными зелёными глазами и пышно вьющимися каштановыми волосами до плеч. — Можно?

— Садитесь, — Митя открыл дверцу и пригладил сиденье.

— А вы не будете возражать против ещё одного пассажира? — она смотрела в глаза ему так, словно была уверена, что любой каприз, любая её просьба будут исполнены безоговорочно. И действительно, Митя готов был для такой пассажирки на что угодно:

— Если вон того, — он кивнул в сторону гражданина с кейсом, — то ни в коем случае.

— Ну, такого нам и самим не надобно, — девушка смеялась настолько обворожительно, что Митя почувствовал, как захотелось ему вдруг летать, а тело стало необыкновенно лёгким. Если бы он глянул в этот момент на своё сиденье, то обнаружил бы, что оно распрямилось, будто на нём и не сидел никто.

— Так куда прикажете? Наш Росинант готов хоть к облакам, хоть к звёздам. Куда желает прекрасная сеньорита?

— Сударь, а способен ли ваш Росинант домчать как можно скорее сеньориту к школе-гимназии, где её ждут прелестные отроки, жаждущие познаний?

— Так вы — учительница?

— Так, сударь. И представьте, учительница безалаберная. Вечно опаздывающая. Но со мной верный рыцарь. Возьмём?

Митя почувствовал, как внутри закипело. Рыцарь! Нет, никаких рыцарей, я сам её рыцарь! А девушка, читая бесхитростные его мысли, рассмеялась ещё громче.

— Да вы, юноша, собственник.

— С чего бы это? — он, словно влюблённый мальчишка, не мог скрыть эмоций и явно начинал расстраиваться по поводу какого-то ещё там рыцаря.

— А с того, что нельзя так сразу ревновать, — она приоткрыла дверцу и крикнула: — Лорд, ко мне!

Тут же из сиреневых зарослей вылетел, радостно перебирая лапами и размахивая хвостом, огромный чёрный лабрадор. Митя встал, обошёл машину и церемонно открыл заднюю дверцу:

— Прошу вас, сэр рыцарь. Не прогневайтесь за мою неучтивость.

Пёс вдруг протянул лапу. Это случилось настолько неожиданно, что водитель выпрямился, как по команде “смирно” в армии. Взял её и пожал. Он готов был потом поспорить с кем угодно, что в тот момент собака подмигнула ему и вроде как улыбнулась. Но ведь такого же не бывает?

— А знаете, я вас ещё больше удивлю, — сказала девушка, когда они мчались коротким путём через проходные дворы, чтоб успеть к началу занятий, — хотите, назову ваше имя? Дмитрий. Правильно?

— Да, но... — Митя совсем опешил.

Девушка в очередной раз рассмеялась. Какой у неё чудесный смех! И голос необыкновенный. Бархатный, как баритон, но не столь низкий. Волшебный прямо. Неясные, хорошие предчувствия вдруг взволновали юношу.

— Ваша мама и моя, представьте себе, подруги. И я запомнила фотокарточку, которую мама показывала, когда приходила к нам в гости. Вы там

такой бравый, в десантной форме, с орденами. Ваша мама рассказывала, — голос у девушки дрогнул, — о ранении, как вы чуть не погибли и чудом остались в живых. Лорд! Не хулигань.

Лабрадор положил водителю на плечи лапы и лизнул в ухо. Они подкачали к гимназии. Девушка вышла, Митя поспешил следом:

— Надежда Николаевна, а можно я вас встречу после занятий? Мы с Росинантом хотим быть вашими рыцарями.

Нисколько не удивляясь, что её назвали по имени-отчеству, она оглянулась, потом ласково улыбнулась, подошла к юноше и поцеловала, нежно проведя ладонью по щеке:

— Да, рыцарь мой. Да! — и побежала по ступенькам школьного крыльца, почему-то не кликнув с собой Лорда.

Митя долго смотрел ей вслед. Точно так же вёл себя и лабрадор: сидел, уставившись на закрывшуюся за Надеждой дверь, и прижимался к его ноге.

— Ну, поехали? Надо денежки зарабатывать, — как само собой разумеющееся, он открыл дверцу, собака радостно запрыгнула на сиденье. Они покатали по городу. “Интересно, а как это у меня получилось? — весело размышлял Митя. — Ведь нас никто не представлял, а я — раз — и вот вам, здарсьте: Надежда Николаевна. Я, наверно, экстрасенс”.

Лорд слегка рявкнул. Митя оглянулся. На сиденье лежал фиолетовый пакет. Аккуратный, небольшой. Лабрадор поставил на него лапу и как бы указывал мордой: возьми. Митя остановил машину, пересел на заднее сиденье и, еле сдерживая волнение, разорвал бумагу. Из пакета выпала записка: “Дмитрий, это Вам. Ничему не удивляйтесь. До встречи. Не балуйте Лорда. Ваша Н.”

В пакете была книга: та самая, которую он так давно мечтал прочесть.